

УДК 321.7

И. С. Миллер [I. S. Miller]

КОРРЕЛЯЦИЯ ДАННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕННОСТЕЙ И ОЦЕНКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: В ПОИСКАХ «ПРАВИЛЬНОГО ИНДЕКСА ДЕМОКРАТИИ»**THE CORRELATION BETWEEN THE DATA OF GLOBAL VALUES SURVEYS AND THE ASSESSMENTS OF POLITICAL REGIMES: IN SEARCH OF THE «THE CORRECT INDEX OF DEMOCRACY»**

ФГБУО ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Россия;
E-mail: is@miller.si

Аннотация. *Статья представляет собой промежуточный результат размышлений над решением теоретической и прикладной политологической задачи, предполагающей поиск (насколько это возможно объективного) «индекса демократии».*

Материалы и методы. *Использован метод верифицирования корректности моделей индекса демократии и качество полученных этим методом оценок посредством привлечения глобальных исследований ценностей и практик. Анализируются корреляции как внутри моделей, так и кросс-модельные корреляции.*

Результаты и заключения. *Иллюстрируется возможность вывода, что культурные факторы могут задавать границы демократизации, возможной в конкретном социально-историческом контексте, и резкий выход за эти границы нежелателен.*

Ключевые слова: модели демократии, индекс демократии, политическая культура, ценности и практики.

Abstract. *The Article is an intermediate result of reflection on the solution of theoretical and applied political science problem, involving the search (as far as possible objective) "index of democracy".*

Materials and methods. *The method of verification of correctness of models of democracy index and quality of the estimations received by this method by means of attraction of global researches of values and practices is used. Correlations both within models and cross-model correlations are analyzed.*

Results and conclusions. *The possibility of concluding that cultural factors can set the boundaries of democratization possible in a particular socio-historical context is illustrated, and a sharp exit beyond these boundaries is undesirable.*

Key words: democracy models, index of democracy, political culture, values and practices.

Введение. Данная статья появилась как промежуточный результат размышлений над решением теоретической и прикладной политологической задачи, предполагающей поиск (насколько это возможно объективного) «индекса демократии». Несмотря на достаточно распространенное мнение, что все такие индексы и рейтинги являются нестрогими или даже «утопическими измышлениями» (в силу невозможности свести к цифре и четко измерить институты, процедуры и ценности), сравнительная политология не только ставит, но и успешно решает задачи операционализации неочевидных для измерения фактов политической жизни [4]. Однако имеются как минимум три серьезные проблемы, которые связаны с существующими межстрановыми рейтингами демократии: высокая ангажированность (очевидно, что по своей природе любой такой рейтинг может сам по себе служить политическим инструментом) – по сути, она тождественна низкому качеству методологии; методологическая непрозрачность (как вследствие сказанного выше, так и в силу ориентированности на «массового потребителя», мало интересующегося научной подоплекой демонстрируемых цифр), неполнота или «аспектность» (то есть концентрация на отдельных характеристиках или процедурах, а не на политическом режиме в целом). В разных индексах эти проблемы выражены в различной мере, но даже попытки построить «рейтинг рейтингов» здесь пока единичны и те, по признанию авторов, носят скорее публицистический характер [4].

Вместе с тем, снять значительную часть указанных проблем может помочь обращение к такому научному направлению как «глобальные исследования ценностей», которое (по своим методам и инструментам) развивалось скорее как социологическое, культурологическое, психологическое и управленческое, но не политологическое. Его функциональный генезис (ориентированность на решение прикладных задач международного менеджмента и кросс-культурной коммуникации) в определенном смысле служил страховкой от «подгонки результатов»

в целях политических манипуляций, при этом по объему накопленных данных и длительности развития исследования ценностей вполне могут конкурировать с транзитологией. Здесь есть и богатая традиция «внутренней критики» [9] (которой не избежали и «отцы-основатели», включая Г. Хофстеда [5]), и «рейтинги рейтингов» [3] (попарное и групповое сравнение конкурирующих внутри направления исследовательских методик) [4, 9]. Общим элементом и исследовательским объектом, позволяющим предиктивно утверждать о полезности синтеза, выступает политическая культура (как частный случай культуры в исследованиях ценностей и как один из системообразующих факторов политического режима в исследованиях демократического транзита).

Более того, идея заимствования эмпирических данных исследований ценностей при построении индексов демократии уже частично реализована. В явном виде это сделано, например, в Индексе демократии исследовательского подразделения журнала «The Economist» (Economist Intelligence Unit democracy index), где Всемирный обзор ценностей выступает альтернативным и предпочтительным источником данных в расчете ряда параметров не только «профильного» раздела «Демократическая политическая культура», но и других разделов («Политическое участие», «Гражданские свободы», «Деятельность правительства») [8]. Вместе с тем, нам пока не встречались исследования, ставящие своей специальной задачей рефлексию о спектре возможностей такого заимствования. В настоящей статье предпринята попытка на нескольких примерах выделить такие возможности.

В качестве источников методик и эмпирических данных выступают пока лишь два исследования из разных «лагерей»: уже ставший классикой исследования ценностей проект GLOBE (Исследование эффективности глобального лидерства и организационного поведения) [7] и упомянутый выше «Индекс демократии» журнала «The Economist». Используемые данные относятся примерно к одному периоду (2004-2006 годы), а сам выбор источников для первого приближения к постановке гипотез мог бы быть и иным, но в то же время не случаен. Проект GLOBE, при всех своих недостатках (в том числе касающихся нерепрезентативности относительно популяции в целом – в опросе принимали участие только менеджеры, относительно малой выборки стран, статичности среза), обладает одним важным достоинством, принципиальным в плане разнообразия исследовательских выводов. Так, это первое и единственное системное исследование, инструментарий которого сознательно построен на противопоставлении и раздельном анализе ценностей («как должно быть») и практик («как есть сейчас»). Сам факт и характер «разрывов» между ценностями и практиками – крайне интересный предмет, поскольку такие противоречия – и источник, и инструмент политики. Индекс демократии выбран как пионерный проект, демонстрирующий «мосты» между «культурологическим» и «политологическим» подходами и при этом в первом приближении политически не ангажированный. Кроме того, его достаточно скудная (и недостаточно содержательная) типология политических режимов, оставляет большое пространство для многочисленных уточнений даже при касательном, поверхностном взаимодействии с массивом данных GLOBE.

Структура используемых моделей и методы анализа. В опроснике GLOBE выделены девять групп факторов, формирующих модель культуры общества: *избегание неопределенности* (мера, в которой социум и группы полагаются на нормы и правила, чтобы избежать непредвиденных событий); *нацеленность в будущее* (мера вовлеченности индивидов в долгосрочные процессы – планирование, долгосрочное инвестирование, отложенное вознаграждение); *дистанция власти* (мера, в которой общество принимает и поощряет властные различия и статусные привилегии); *институциональный коллективизм* (степень, в которой организационные и общественные институциональные практики поощряют совместное распределение ресурсов и коллективные действия); *гуманистическая ориентация* (мера общественной поддержки практик индивидуальной честности, щедрости, альтруизма и заботы о других); *ориентированность на достижения* (мера вознаграждения коллективом членов группы за рост результативности и повышение качества деятельности); *внутригрупповой коллективизм* (степень, в которой индивиды выражают гордость от принадлежности к организациям и семьям, лояльность и сплоченность с ними), *гендерное равенство* (мера, в которой коллектив минимизирует гендерное неравенство), *напористость* (степень, в которой индивиды конфликтны, агрессивны и напористы в отношениях с другими). По каждой из этих шкал респонденты дают две группы оценок (обозначая сложившиеся в обществе практики, с одной стороны, и «идеальные модели», с другой). Оценки проводятся по каждому фактору отдельно (респондентам предлагается семибалльная шкала вариантов ответов на вопросы), а некоей интегральной количественной характеристики культуры не предусмотрено.

В свою очередь, Индекс демократии «The Economist» построен на выделении пяти групп факторов: избирательный процесс и плюрализм, деятельность правительства, политическое участие, демократическая поли-

тическая культура, гражданские свободы. Полученные по каждой группе оценки (с использованием десятибалльной шкалы) интегрируются в итоговый количественный показатель. В зависимости от его значения анализируемые страны делятся на 4 группы: «полностью демократичные», «недостаточно демократичные», «гибридные режимы» и «авторитарные режимы».

Изучение данных, полученных с применением обоих инструментов, проводилось с использованием методов статистического анализа (включая корреляционный анализ, ранжирование), активно использовалась графическая визуализация. Логика исследования предполагала предварительное рассмотрение результатов каждой из моделей, взятых изолированно (даже так они создают богатую почву для наблюдения полезных в плане дальнейшего моделирования закономерностей), на примере совпадающего перечня из шестидесяти одной культуры/государства, и их последующее сравнение. Приведем некоторые примеры таких наблюдений.

Внутренние корреляции факторов в моделях. Корреляционный анализ по Пирсону позволяет выявить в GLOBE ярко выраженные взаимосвязи нескольких факторов (речь идет о сильных корреляциях со значениями $>0,6$, значимых на уровне $0,01$ – далее это специально не оговаривается). Так, на уровне практик наиболее сильно прямо связаны факторы избегания неопределенности и нацеленности в будущее ($0,760$), а последняя максимально коррелирует с ориентированностью на достижения ($0,625$). Объяснение представляется вполне тривиальным – чем сильнее регламентирована и нормирована деятельность, чем меньше неожиданностей, тем больше возможностей инвестировать в будущее; в свою очередь, сама постановка цели постоянного самосовершенствования для достижения максимальной производительности тем более органична, чем больше уверенность в том, что среда позволяет долгосрочное планирование. При этом сильная обратная корреляция ($-0,601$) обнаруживается между избеганием неопределенности и внутригрупповым коллективизмом. Гипотетически можно интерпретировать это так - предсказуемый и строго регламентированный «большой социум» уменьшает потребность в «ближнем круге», снижает практическую важность принадлежности к семье и другим микрогруппам и зависимость от них. Интересно, что в отличие от уровня практик, на уровне ценностей последняя корреляция хотя и имеет место, но не может считаться сильной. Здесь по сути единственной сильной ($0,674$) и достоверной связью может считаться первая из упомянутых.

В свою очередь, изучение внутренних взаимосвязей факторов в Индексе демократии позволяет заметить, что все они положительно коррелируют между собой. С одной стороны, это может быть маркером целостной и внутренне непротиворечивой теоретической модели, лежащей в основе индекса. С другой же, такая «монотонность» может стать и ее эвристической проблемой: почти все корреляции – очень сильные (на уровне $0,7$ и более). Тем важнее обратить внимание на исключения. В обеих имеющихся более слабых связях «виновата» демократическая политическая культура (ДПК), существенно менее, чем остальные факторы, связанная с избирательным процессом и плюрализмом (ИПП) ($0,367$), а также с гражданскими свободами (ГС) ($0,481$). К такому рассогласованию могут привести несколько ситуаций. Сведем их в таблицу, предварительно разбив страновые данные на терцили, чтобы наполнить ее конкретными примерами (табл. 1). При этом с учетом крайне высокого уровня корреляции между параметрами ИПП и ГС ($0,869$), рассмотрим их недифференцировано (оговорившись лишь про Гонгконг с очень низким уровнем ИИП и очень высоким – ГС).

Таблица 1

Сегментация стран по уровню демократической политической культуры и наиболее слабо коррелирующих с ней факторов

	Высокий уровень ДПК	Средний уровень ДПК	Низкий уровень ДПК
Высокий уровень ИПП и ГС	-	Венгрия, Коста Рика	Бразилия, Индия, Тайвань
Средний уровень ИПП и ГС	США, Италия	-	Эквадор, Боливия, Колумбия, Мексика
Низкий уровень ИПП и ГС	Сингапур, Малайзия	Замбия, Египет, Китай, Индонезия	-

Данные полученной таблицы допускают следующую интерпретацию. В ее верхнем правом сегменте собрани случаи, когда демократические институты внедрялись на недостаточно подготовленную почву, в отсутствие веры в ценности демократии, при высоком спросе на «сильную руку» и т.п., но при этом реализация самой демократической модели находилась на достаточно высоком уровне. В левом нижнем углу – напротив, случаи,

когда имеющее место низкое качество обеспечения плюрализма и гражданских свобод слишком сильно контрастирует с желанием их приобрести – общество желает этих ценностей. При таком рассмотрении становится понятно, что речь в параметре ДПК идет именно о ценностях, а не о практиках, как во всех других факторах индекса (и по сути, это единственный заложенный в данный инструмент способ установить «ценностные разрывы» – в отличие от GLOBE, где это можно сделать по каждой шкале). Понимая этот факт и структуру вопросов, касающихся ИПП (где средние значения соответствуют ответам вида «можно, но не всем», «формально можно, а по факту нет»), нетрудно квалифицировать и группы стран, находящиеся в клетках на среднем уровне. Это в той или иной мере «имитирующие» демократии (с той разницей, что справа факты такой имитации вызывают намного меньшее общественное отторжение).

Ценностные разрывы, консенсусы и «закон убывающей предельной полезности». Построение двухмерных графиков на основе GLOBE, на одном из которых государства были расположены по возрастанию оценки респондентами практик, а на втором – по значениям соответствующим этим практикам ценностей, позволили обнаружить, что по большинству параметров наблюдается то, что можно считать аналогом закона убывающей предельной полезности. Ниже – такой график для фактора «нацеленность в будущее» (рис. 1). Полный перечень стран, чьи порядковые номера указаны на рисунке, здесь не приводится, но там, где это необходимо, их позиции будут комментироваться. Заметим, что на данном рисунке под номером 1 закодирована Россия (с самым низким уровнем практик долгосрочного планирования), а под номером 61 – Сингапур. Построив линии тренда, можно увидеть, что в целом соблюдается такая зависимость: чем меньше практических возможностей, тем выше ценность «ориентированности в будущее»; напротив, по мере роста значений оценок «как есть сейчас» постепенно снижается и ценность таких возможностей, уменьшается разрыв между желаемым и действительным. Происходит своего рода насыщение благом.

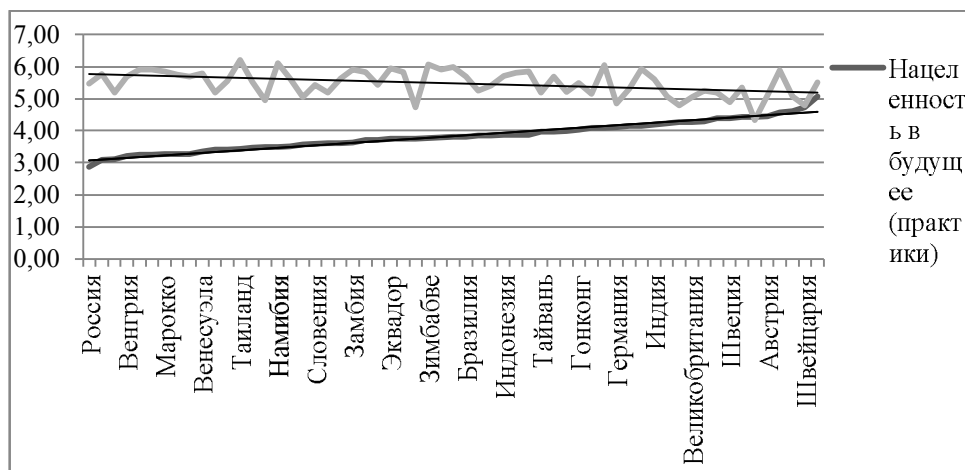

Рис. 1. Нацеленность в будущее (по данным GLOBE) – практики и ценности

Эти выводы подтверждаются и значительной отрицательной корреляцией между практиками и ценностями по всем факторам, кроме внутригруппового коллективизма и гендерного равенства. Что касается первого, то можно заметить, что культуры, где он находится на низком уровне (в основном это «страны победившей модернизации»), демонстрируют «тоску об утраченных традиционных ценностях», но при этом в обществах, где он на среднем и даже высоком уровне, наблюдается большой разброс позиций о векторе желаемых изменений. Гендерное равенство – это фактор, по которому сформирован консенсус – «все хотим больше, но без фанатизма»: здесь усредненные графики практик и ценностей пусть и не параллельны, но сходятся в очень далекой перспективе, то есть желаемые изменения в подавляющем большинстве случаев сообразны «ранее накопленным» уровням равенства (рис. 2). Кстати, минимальный ценностный разрыв (максимальная «ценностная удовлетворенность практикой»), который наблюдается в точке 60 – данные России, а единственная страна в выборке, уже выполнившая «план по равенству» (точка 43) – Катар.

Консенсус такого же вида, но с обратным знаком («все хотим меньше») наблюдается в отношении еще одного фактора – дистанции власти. При этом, хотя здесь нет вообще ни одного пересечения, эффект убывающей предельной полезности все же наблюдается: по мере уменьшения дистанции власти в практиках ее дальнейшее

сокращение становится все меньшей ценностью. Что же касается наблюдаемых «высоких планок», думается, в этом случае, как и в предыдущем, можно говорить о наличии у респондентов сильных «глобально одобряемых» выборов, «правильных ответов». Вспоминая о характере выборки, предположим, что здесь влияют популярные в управленческом образовании тезисы о важности делегирования, горизонтальных структур управления, усвоенность повсеместно распространенных норм трудового законодательства, запрещающих дискриминационные практики.

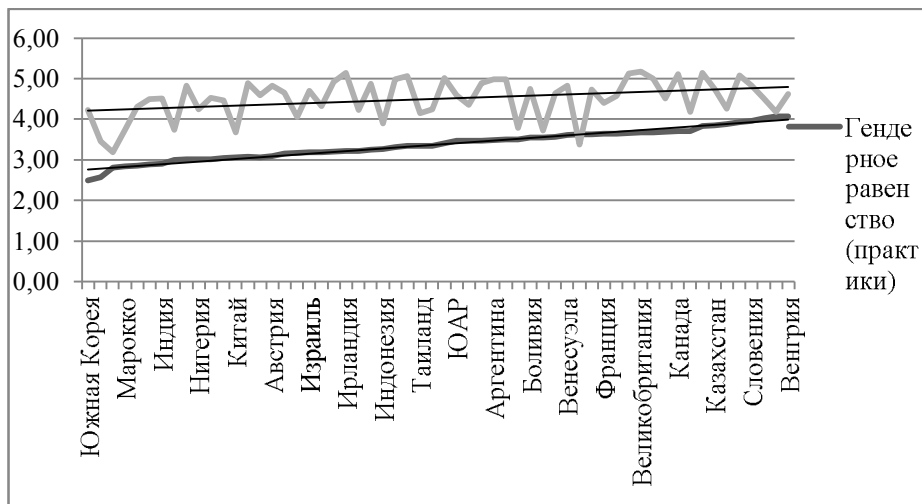

Рис. 2. Гендерное равенство (по данным GLOBE) – практики и ценности

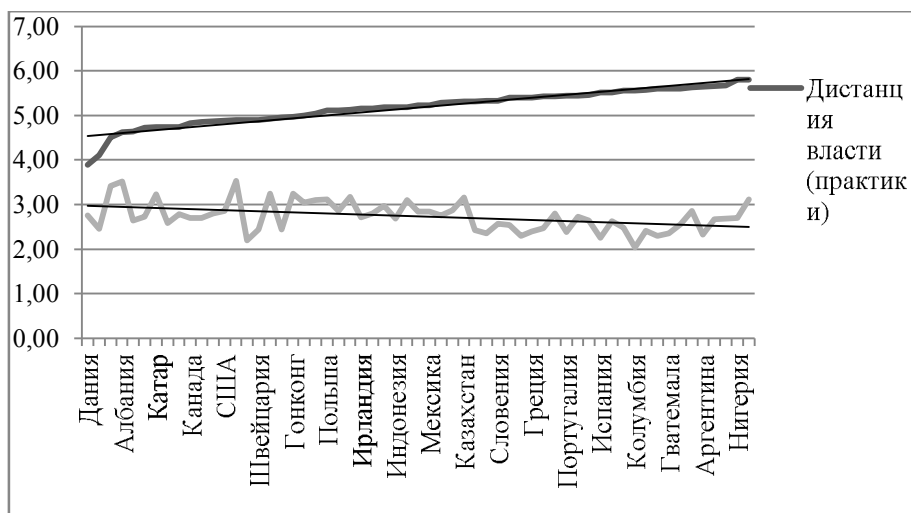

Рис. 3. Дистанция власти (по данным GLOBE) – практики и ценности

Наибольший интерес в плане дальнейших рассуждений представляет следующий график, на котором соотнесены ценностные и практические значения по показателю избегания неопределенности (рис. 4).

Результаты. Вынесем из него три основных наблюдения. Во-первых, обратим внимание, что здесь наряду с «недоразвитием» характеристики имеется и ее «переразвитие». Общества с высоким уровнем избегания неопределенности с радостью «обратили бы время вспять», уменьшив свойственные их социальной жизни зарегулированность и предсказуемость. По сути, это требования «Меньше порядка!», «Меньше инструкций!». Во-вторых, здесь есть небольшой «континуум довольных» и большой «континуум недовольных» по обе стороны от точки пересечения трендовых линий. Пусть это недовольство несоответствием реальной жизни ценностным ориентациям далеко не всегда приводит к практическим изменениям, но оно точно является их необходимой и важной предпосылкой. Напротив, соответствие практик ценностям подрывает мотивы к дальнейшей их трансформации. По каждому из параметров, исходя из дистанций ценностных разрывов можно, таким образом, поделить страны на «культурно-стабильные» и «культурно-конфликтные», спрогнозировав как точки потенциальных изменений,

так и места, где изменения вряд ли будут востребованы. В-третьих, уточнив, какие именно социумы оказались в числе «культурно-конфликтных» по причине максимального «переразвития практик» по параметру избегания неопределенности, обнаружим перечень, очень схожий с представленным в верхней части группы «full democracies» («полностью демократии») Индекса демократии (Швеция, Нидерланды, Швейцария и т.д.). Единичные недемократические вкрапления в эту компанию (Сингапур) не меняют картины в целом.

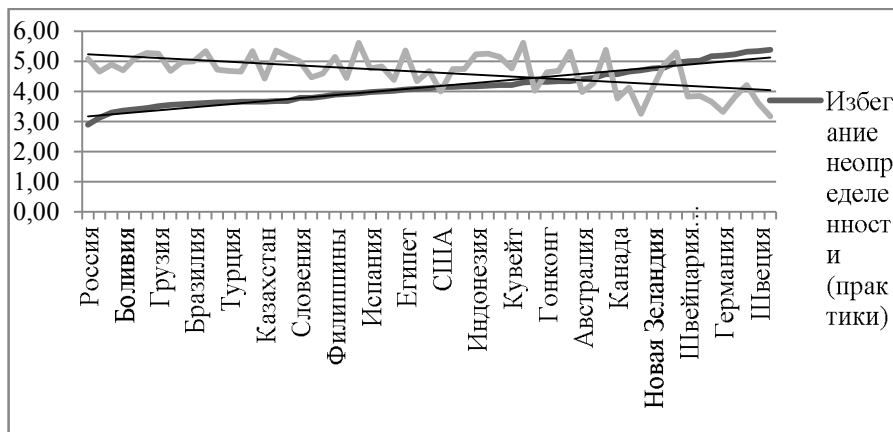

Рис. 4. Избегание неопределенности (по данным GLOBE) – практики и ценности

Корреляции между моделями и «формула демократии». В попытке объяснить последнее наблюдение проведем «кросс-модельный» корреляционный анализ. Это позволит обнаружить, что максимально сильная корреляция итогового рейтинга в Индексе демократичности с факторами модели GLOBE – это именно корреляция с избеганием неопределенности (-0,685). Подчеркнем – как с ценностью, а не как с практикой (с последней наблюдается несколько менее сильная положительная корреляция). Еще одна сильная «ценностная» корреляция обобщающего индекса – с фактором гендерного равенства (0,679), а единственная сильная «практическая» – с фактором внутригруппового коллективизма (-0,675). Велико искушение сформулировать тезис, больше похожий на заголовок «желтой прессы»: «Лидеры рейтинга демократизации – это социумы, изрядно уставшие от порядка и совмещающие тоску об утраченных семейных ценностях с превознесением гендерного равенства».

Возникают сомнения – верно ли «взята» в Индексе сама модель демократии? Верно ли интерпретирована? Или мы действительно наблюдаем тот самый «кризис демократии» и демонстрацию в качестве образца для подражания ущербной по многим параметрам конструкции социума, в которой его ценностное удовлетворение возможно только путем серьезной трансформации? Если последнее – предмет гораздо более широкой дискуссии, то, что касается характера интерпретации связей, отметим, что многие менее сильные корреляции, освещение которых осталось за рамками этого текста, несомненно, внесут свою лепту в окрашивание этой конструкции в более позитивные тона. Вместе с тем, пока результаты разочаровывают.

Заключение. Сформулируем *завершающие соображения*. Происшедшие в XXI в. события заставляют переосмыслить прежнее понимание политической стабильности и конфигурации обеспечивающих ее факторов [2]. Индексная модель могла бы измениться в лучшую сторону. Для того чтобы понять, каким именно образом, вспомним об обнаруженном в классе «full democracies» подклассе, который можно не без иронии маркировать как ««Гm full»-democracies» («пресыщенные» демократии). Если мы признаем, что подспудная и неизбежная функция любого подобного индекса – не только измерять, но и формировать стандарты, образцы для подражания, то гармоничность политического режима относительно ценностей социума не может не приниматься во внимание (то есть, «пресыщенные» не получают высшего балла). Более того, она не может приниматься во внимание только в том ключе, в каком это заложено в индекс сейчас (чем меньше демократия укоренена в политической культуре, тем хуже позиции социума в индексе, и наоборот).

Тогда следует допустить, что культурные факторы могут задавать границы демократизации, возможной в конкретном социально-историческом контексте, и резкий выход за эти границы нежелателен (причем как «вниз», так и «вверх»). Этот тезис совсем не тождествен другому: «некоторые культуры принципиально не подходят для демократии». Скорее здесь применима логика ценности поступательного развития; пользуясь терминологическим заимствованием, предложенным А. Аузаном, скачки из архаики в авангард минуя модерн [1] не

более полезны для социума, чем дальнейшее пребывание в архаике. Это позволит нам принять идею, что при выходе практик «вверх» за рамки некоего порогового значения по тому или иному фактору (где пороги соотносены с «ценностными разрывами») может и должно начинаться вычитание. Не вполне ясно, как быть в ситуациях «обратного движения», когда практики стали менее демократичными, но при этом более сообразными «не успевающим» за ними ценностям? Должны ли «штрафы за откат» в этом случае быть меньшими (и если да, то насколько), чем если откат не сокращает ценностного разрыва? Эти и многие другие вопросы оставляют широкое пространство для дальнейших исследований, однако сама по себе потребность в интеграции в индексный инструментарий попарных шкал «практики-ценности» представляется все более актуальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. Культурные факторы модернизации. URL: http://www.intelros.ru/pdf/kulturnye_factory_modernizacii.pdf
2. Данилова Е. С., Боташева А. К. Политической стабильность: параметры, коннотации, конфигурация обеспечивающих факторов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2015. № 2. С. 358-362.
3. Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. 2008. №5. С.80-102.
4. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М., 2009.
5. Токарев А. Рейтинги демократии: от ангажированности к науке. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=266367>
6. Conceptualizing and measuring cultures and their consequences: a comparative review of GLOBE's and Hofstede's approaches. URL: http://intersci.ss.uci.edu/pdf/Javidan_etal2006.pdf
7. GLOBE. URL: https://globeproject.com/study_2004_2007
8. Laza Kekic. The Economist Intelligence Unit's index of democracy. URL: https://www.economist.com/media/pdf/DEMOCRACY_INDEX_2007_v3.pdf
9. Ng S., Lee J. A., Soutar G. N. Are Hofstede's and Schwartz's Value Frameworks Congruent? // International Marketing Rev. 2007. Vol. 24. N. 2.
10. Taras, V., Steel, P., & Kirkman, B. L. (October 01, 2010). Negative practice-value correlations in the GLOBE data: Unexpected findings, questionnaire limitations and research directions. Journal of International Business Studies, 41, 8, 1330-1338.

REFERENCES

1. Auzan A. Kul'turnye factory modernizacii. URL: http://www.intelros.ru/pdf/kulturnye_factory_modernizacii.pdf
2. Danilova E. S., Botasheva A. K. Politicheskoy stabil'nost': parametry, konnotacii, konfiguraciya obespechivayushchih faktorov // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 2. S. 358-362.
3. Latova N., Latov Yu. Etnometricheskie podhody k sravnitel'nomu analizu hozyajstvenno-kul'turnyh cennostej // Voprosy ehkonomiki. 2008. №5. S.80-102;
4. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Kul'tura kak faktor obshchestvennogo progressa. M., 2009.
5. Tokarev A. Rejtingi demokratii: ot angazhirovannosti k nauke. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=266367>

ОБ АВТОРЕ

Миллер Ирина Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии, связей с общественностью и журналистики Пятигорского государственного университета; тел.: 89280069236; E-mail: is@millersi

Miller Irina Sergeevna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of conflictology, public relations and journalism, Pyatigorsk state University; tel.: 89280069236; E-mail: is@millersi

Дата поступления в редакцию 01.10.2018